

12+

Ольга Сверчкова

ТБИЛИССКИЕ ХРОНИКИ

Записки человека, который
приехал ненадолго

Ольга Сверчкова
Тбилисские хроники.
Записки человека, который
приехал ненадолго

<https://litres.ru/74320003>

ISBN 9785007091633

Аннотация

Я приехала в Тбилиси ненадолго. По крайней мере, именно так я всем говорила. «Тбилисские хроники» — это 30 тёплых и ироничных историй о соседях, таксистах, старых лифтах, горячем хлебе, балконах и разговорах, которые всегда длятся дольше, чем вы рассчитывали. Это не путеводитель и не инструкция по переезду. Это книга о городе, который сначала кажется чужим, а потом незаметно становится домом.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. О людях, которые говорят: «Я быстро»	8
Глава 2. О хлебе, который существует только до первого уголка	11
Глава 3. О балконах, на которых хранится половина жизни	14
Глава 4. О соли, которая спускается с третьего этажа	17
Глава 5. О таксистах, которые уже все решили	20
Глава 6. О лифтах, которым доверяют больше, чем следовало бы	23
Глава 7. О котах, считающих себя собственниками города	27
Глава 8. О дворах, где чужих не бывает	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Тбилисские хроники
Записки человека, который
приехал ненадолго

Ольга Николаевна
Сверчкова

© Ольга Николаевна Сверчкова, 2026

ISBN 978-5-0070-9163-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Любое совпадение с реальными людьми совершенно случайно. Совпадение с Тбилиси — неизбежно.

Я приехала в Тбилиси ненадолго. По крайней мере, именно так я всем говорила.

Вообще, слово «ненадолго» удивительно удобное. Оно позволяет ничего не планировать, не покупать лишнего, не привыкать, не искать любимую кофейню, не запоминать улицы и не думать о будущем. Поживу немного и поеду дальше. Так мне казалось.

Потом оказалось, что у меня появилась любимая пекарня. Потом — продавщица, которая здоровалась раньше, чем я успевала поздороваться. Потом — собака, встречавшая меня почти каждое утро на одной и той же улице. Потом — таксист, который уверял, что знает дорогу лучше навигатора. Иногда он действительно знал. И как-то незаметно эти мелочи стали моей обычной жизнью.

Эта книга не путеводитель. Здесь не будет списка мест, которые обязательно нужно увидеть. Не потому, что таких мест нет, а потому, что у каждого они свои. Кому-то запомнится старый деревянный балкон. Кому-то запах свежего хлеба ранним утром. Кому-то двор, в котором дети играют до позднего вечера. А кому-то разговор с незнакомым человеком, который почему-то закончился так, будто вы были знакомы много лет.

Я не собираюсь объяснять Тбилиси. Честно говоря, не

уверена, что это вообще возможно. Я просто хочу рассказать несколько историй — о городе, о людях и о том, как иногда совершенно незаметно чужой город становится своим.

Хотя начинается все очень просто.

— Я здесь ненадолго.

Глава 1. О людях, которые говорят: «Я быстро»

В Тбилиси есть одна фраза, которой я больше не верю: «Я быстро». В первый месяц жизни здесь я еще верила людям. Если кто-то говорил «я быстро, только за хлебом», я честно думала, что минут через десять мы будем пить чай. Потом поняла: хлеб в этой истории вообще второстепенный персонаж.

Однажды я тоже решила сходить за хлебом. Ну что там — пять минут, максимум десять. Я даже телефон не стала брать, чтобы не отвлекаться.

Через две минуты меня остановила соседка с третьего этажа — та, что знает все раньше всех. Кажется, даже раньше, чем оно происходит.

— Здравствуйте! Как дела?

Нельзя же просто ответить «хорошо» и уйти — в Тбилиси это только начало разговора. Через несколько минут я уже знала, что ее внук Гига поступил в университет. Она сказала это так, будто поступил весь подъезд.

Потом — где сегодня самые вкусные помидоры. Потом мы обсудили новый овощной. Вердикт был короткий: неплохой, но старый все равно был лучше.

— А где был старый? — спросила я.

Зачем спросила — не знаю. Я не собиралась туда ходить. Но мне уже хотелось знать.

Я уже почти ушла, и тут соседка понизила голос — так, как понижают его только для действительно важных вещей:

— Кстати, сегодня на соседней улице шоти прямо из печи. Если будете брать, идите сейчас.

Вот это уже был другой разговор. Потому что хороший шоти нельзя оставить на завтра. Завтра он уже будет вчерашним.

Когда я наконец дошла до пекарни, хлеб закончился. Домой я вернулась почти через час — без хлеба. Зато теперь знала, где сегодня самые вкусные помидоры, где находился старый овощной, где искать лучший шоти и что внука соседки зовут Гига.

С тех пор, если в Тбилиси кто-нибудь говорит «я быстро», я просто киваю. Потому что знаю: за хлебом здесь действительно можно сходить за пять минут — если по дороге не встретить ни одного человека.

Слово дня: *мале* [мáле] — «скоро». Самое честное слово в языке: оно не обещает ничего конкретного.

Глава 2. О хлебе, который существует только до первого уголка

Горячий хлеб всегда оказывается меньше, чем был в пекарне. Горячий шоти существует в двух состояниях: до первого отломанного уголка и после.

Шоти заворачивают в газету. Не целиком — ровно настолько, чтобы не обжечь руку. Запах упаковки не требует.

Первые двадцать метров вы держитесь. Потом отламываете уголок — просто проверить, не остыл ли. Потом еще один. А потом останавливаться уже поздно.

На углу вас обязательно кто-нибудь окликнет — соседка, продавец зелени или человек, которого вы видите второй раз в жизни. Каждый сначала смотрит на вас, потом — на сверток. С одним и тем же выражением лица.

— Горячий?

— Горячий.

— Дай попробовать.

Вы отламываете третий уголок, уже не себе. Через квартал становится ясно: домой вы несете уже не весь хлеб. Дома обязательно спросят: «Такой маленький был?» И вы честно ответите: «Нет. Он был гораздо больше». Вам не поверят, но и спорить не будут — сами, скорее всего, поступили бы так же.

Где-то, наверное, есть человек, который донес шоти домой целым. Во всяком случае, в нашем районе его никто не встречал.

Слово дня: *шоти* [шóти] — традиционный грузинский хлеб, который почему-то становится меньше с каждым шагом от пекарни до дома.

Глава 3. О балконах, на которых хранится половина жизни

Если у квартиры есть балкон, значит, жизнь происходит именно там. Там стоят банки с аджикой, дремлет старая швейная машинка, ждут своего часа два десятка цветочных горшков, которые «вот-вот понадобятся», и каждое утро выходит кот — проверить, на месте ли город.

У соседей сушится белье, и простыни хлопают на ветру, как флаги маленькой, но очень гордой республики. Кто-то сушит перец, кто-то — лаваш, ровно столько, сколько нужно, и ни минутой дольше.

Балконы здесь так близко друг к другу, что иногда невозможно понять, чей это стул загремел и кто опять готовит что-то с орехами.

По вечерам балкон становится местом, где решаются действительно важные вопросы: кто выиграл матч, почему молодежь теперь совсем не та и что сегодня готовили на третьем этаже — судя по запаху, что-то с чесноком. Кот в этих разговорах участия не принимает, но слушает внимательно — будто и у него есть мнение о современной молодежи.

Если в доме начинается ремонт, об этом узнает весь двор. Не потому, что кто-то рассказал — просто на балконе появляется новая плитка, прислоненная к перилам, и этого достаточно. Информация в Тбилиси распространяется вертикально, с балкона на балкон. Телефон нужен только тем, кто почему-то не успел услышать все сразу.

Тишина на балконе — самое подозрительное, что может

случиться в Тбилиси. Даже прогноз погоды вызывает меньше вопросов.

Слово дня: *аджика* [аджі́ка] — острая грузинская приправа, которая живет на балконе в банках и ждет зимы.

Глава 4. О соли, которая спускается с третьего этажа

Однажды у меня закончилась соль. Я сделала то, что сделал бы любой человек из моей прошлой жизни: взяла сумку и собралась в магазин. Дойти я успела до двора.

— Куда? — спросила соседка с третьего этажа. Та самая, что знает все раньше всех.

— За солью.

— Зачем?!

Вопрос прозвучал так, будто я собралась за солью в Кутиси.

— Слушай, у тебя соль есть? — крикнула она куда-то вверх, и

через минуту с третьего этажа на бельевой веревке, привязанной к плетеной корзинке, действительно спустилась соль.

Никто во дворе не нашел это странным. Это просто логистика, до которой остальные города пока не додумались.

Потом я узнала, что корзинка работает в обе стороны. Вверх отправляется то, что нужно срочно. Вниз — то, что жалко выбросить: половина лаваша, три помидора, открытка с прошлого Нового года.

По вечерам та же веревка становится свидетелем куда более серьезных переговоров. Я слушаю их со своего балкона.

— Мушмула в этом году хуже, чем в прошлом.

— Хуже? Ты не пробовала у Гии.

— У Гии всегда лучше. У Гии даже асфальт лучше.

Спор ведется с такой интонацией, будто речь идет о результатах выборов, а не о четырех деревьях во дворе. Заканчивается он одинаково: ничем. До следующего вечера.

К тому времени корзинка уже снова наверху — ждет, когда кому-нибудь опять понадобится что-то срочное.

Соль, кстати, я так и не купила. Кажется, она мне больше никогда не понадобится.

Слово дня: *мушмула* [мушмула] — маленький желтый фрукт, из-за которого каждое лето начинаются споры, способные пережить любую дружбу.

Глава 5. О таксистах, которые уже все решили

В Тбилиси таксист никогда не спрашивает, как ехать. Он спрашивает только адрес. Все остальное уже решено.

Когда вы называете адрес, он кивает. Это не значит, что он согласен. Это значит, что он уже выбрал другой маршрут и вежливо ждет, пока вы договорите.

Через минуту вы узнаете, что ваша улица перекрыта — хотя это не так. Что там ремонт — хотя его нет. И что он знает короткую дорогу: через двор, мимо рынка, вдоль реки. Неважно куда. Важно, что не так, как предлагали вы.

Если вы попыгаете спорить, то поймаете в зеркале заднего вида его взгляд. Это взгляд человека, которому вас искренне жаль. Потому что вы до сих пор не поняли одну простую вещь: решение уже принято.

— Зачем туда, генацвале? Здесь короче.

На зеркале заднего вида висят четки. Их никто не трогает. Они здесь исключительно для пассажиров, которые начинают паниковать.

По дороге он дважды посигналит — не от злости, а здороваясь. Один раз притормозит у фруктовой лавки, перекинется парой слов с продавцом и поедет дальше. Вы начнете нервничать. Зря. Счетчик этой остановки не заметит, а таксист теперь знает, что инжир сегодня брать не стоит. Завтра будет лучше.

И каким-то образом вы действительно приезжаете быстрее, чем обещал навигатор. Правда, не совсем туда, куда со-

бирались. Зато ровно туда, куда, как выясняется, вам было нужно.

Спорить бесполезно. Не потому, что он прав. Потому, что он уже решил, что прав.

Слово дня: *генацвале* [*генацва́ле*] — слово, которое может означать «дорогой друг»... или «сейчас я объясню, почему ты неправ».

Глава 6. О лифтах, которым доверяют больше, чем следовало бы

Лифт — это договор о доверии, который никто не подписывал. В нашем подъезде уже много лет висит объявление: «Лифт временно не работает». Бумага пожелтела, слово «временно» стало местной шуткой. Кнопку все равно нажимают.

Приезжает он не сразу: сначала что-то вздыхает наверху, потом бормочет, потом дергается — и только после этого открываются двери. Внутри пахнет чужими обедами и чьим-то парфюмом из восьмидесятых. Едет он со скоростью человека, который никуда не торопится, хотя торопитесь именно вы.

Первое время я поднималась пешком. Соседи смотрели на это с пониманием, но без одобрения — так смотрят на человека, который в июле ходит в пуховике: имеет право, но зачем.

Однажды мы вошли в подъезд одновременно с соседкой с третьего этажа. Той самой, которая знает все раньше всех. Отступать было некуда — не признаваться же, что я не доверяю лифту, в котором она прожила полжизни.

Между вторым и третьим этажом лифт вздохнул глубже обычного и остановился. В моей прошлой жизни дальше полагалось нажимать кнопку диспетчера и ждать голос из динамика. Я поискала кнопку. Соседка поставила сумку на пол — так ставят сумку люди, которые никуда не торопятся.

— Минут десять, — сказала она. — Гига на рынке.

Она сказала это так, словно где сейчас Гига — факт общеизвестный. Я и не стала спрашивать. Про соседку я к тому времени уже все поняла. Я спросила другое: почему десять минут.

— Потому что рынок близко, — сказала она с легким удивлением. И постучала по стене лифта — не тревожно, а как стучат по плечу старого знакомого.

— Он всегда здесь останавливается. Отдыхает.

За следующие десять минут я узнала о доме больше, чем за весь предыдущий месяц. Кто жил в моей квартире до меня и почему уехал. Что на шестом этаже готовят лобio лучше, чем в ресторане, а в ресторан ходить не надо, но если надо — то не в тот, что на углу. И что меня в доме уже месяц называют «наша писательница» — хотя я никому не говорила, что пишу.

Потом снизу постучали. Соседка крикнула куда-то в шахту:

— Бичо! Между вторым и третьим!

Что-то стукнуло, лифт вздохнул и поехал как ни в чем не бывало. На площадке нас встретил Гига с пучком кинзы и лицом человека, который сделал что-то настолько обычное, что благодарить за это неловко.

В этом доме все рассказывают историю про застрявший лифт как свою. Застревали в разных местах и в разные годы, но история одна. Теперь она есть и у меня.

Вечером я поймала себя на том, что вызываю лифт. Не

потому, что устала. Просто пешком подниматься было уже как-то невежливо.

С тех пор я спокойно застаеваю. В этом доме можно застрять только в лифте. Одной — никогда.

Слово дня: *вай [вай]* — грузинское восклицание, которое одинаково годится для боли, удивления и встречи с этим лифтом.

Глава 7. О котах, считающих себя собственниками города

У местного кота всегда три имени и три человека, уверенных, что покормили его первыми.

В переходе возле рынка живет кот, которого в мясной лавке зовут Гиви, в соседнем магазине — Барсик, а в кофейне через дорогу — просто «наш». Каждый уверен, что кот принадлежит именно ему. Мясник, впрочем, единственный, кто отрезает ему лучший кусок — и поэтому формально выигрывает.

Спит он всегда в одном месте — ровно на границе между тремя точками, там, где плитка тротуара чуть приподнята. Случайность это или кошачья стратегия — неизвестно, но никто из троих не пытается перетащить его на свою территорию.

Ни на одно из трех имен он, разумеется, не откликается. Зачем откликаться, если еду принесут в любом случае? У тбилисского кота нет хозяина. У него есть штат.

Туристы иногда пытаются его спасти — берут на руки, спрашивают, где хозяин, предлагают отвезти к ветеринару. Кот терпит это с видом человека, которому слишком часто приходилось объяснять элементарные вещи.

Если кот не появляется два дня, тревогу поднимают все три точки одновременно. Потом выясняется, что он просто проспал день у соседнего подъезда.

Наш дворовый устроен так же — тот самый, что по утрам выходит на балкон проверять, на месте ли город. Месяц я

думала, что прикармливаю его. Ставила миску, радовалась, что приходит. Позже выяснилось, что ест он еще в четырех местах, причем в двух — лучше. Это не я его кормила. Это он у меня столовался — проверял заведение.

— Ходит к тебе? — спросила соседка с третьего этажа.

— Значит, понравилась. Он не ко всем ходит.

И я поймала себя на том, что горжусь. Стою посреди двора. Взрослый человек. И горжусь тем, что меня одобрил кот. Здесь не люди заводят котов. Здесь коты решают, каких людей оставить.

Слово дня: *пису-пису [пи́су-пи́су]* — так в Тбилиси называют котов. Единственная фраза в городе, на которую кот не считает нужным отвечать.

Глава 8. О дворах, где чужих не бывает

Старые тбилисские дворы с деревянными галереями по периметру называют итальянскими. Архитектура и правда похожа, отсюда и название — хотя большинство живущих там в Италии не были ни разу. И, кажется, не особо расстраиваются: у них уже есть двор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.